

Э.С. КУЛЬПИН

Владимир Соловьев и мысли наших дней

(О книге Т. Столяровой и В. Пантина)

Мы живем в смутное время. Время перемен, когда теряются привычные ориентиры. Мы напряженно ищем новые устои жизни. Как ни странно, но в этом поиске нам не помогут те, кто сам жил в прошлые смуты. Тот, кто жил в ту или иную эпоху перемен. - жил в эпоху "своих" перемен, отличных от других. Во время поиска новых устоев жизни ситуация крайне изменчива, неустойчива, закономерности играют малую роль, а случайности - большую. Отдельные случайности могут повторяться, но некоторая их совокупность - никогда. Поэтому прошлые смуты - не аналоги настоящих и будущих. Но если нельзя получить конкретные ответы на конкретные вопросы, то можно уловить некоторые общие закономерности. Эти закономерности нельзя рационально "вычислить", но можно иррационально предчувствовать. Известно, что догадка в научном анализе играет первостепенную роль, роль отправной точки, "пускового механизма". Поэтому нам интересно знать предчувствия будущего, предчувствия перемен, смутного времени. Можно сказать, что вся эпоха русского "серебряного века" - это напряженное эмоционально-художественное предчувствие перемен. Но еще раньше у некоторых русских интеллектуалов такое предчувствие нашло свое выражение не только в области искусства.

В самом конце теперь уже позапрошлого века умер известный русский ученый Владимир Соловьев, предчувствовавший русскую смуту начала XX века, - "бунты бессмысленные и беспощадные" - революции и гражданскую войну. Соловьев - личность неординарная, сложная, многогранная, он остался в памяти потомков совсем не таким, каким он охарактеризовал себя в серьезно-шутливой эпитафии:

Владимир Соловьев лежит на месте этом;
Сперва был философ, а ныне стал скелетом.
Иным любезен быв, он многим был и враг; Но,
без ума любив, сам свергнулся в овраг. Он
душу потерял, не говоря о теле; Дьявол взял,
его ж собаки съели. Прохожий! Научись из
этого примера, Сколь пагубна любовь и сколь
полезна вера.

Соловьев был не только философом, но также блестящим лектором, публицистом, автором работ по истории церкви, переводчиком и поэтом. Его прижизненных слушателей давно нет и, казалось бы, на долю наших современников остается только сухой рациональный научный анализ его трудов. Такой анализ имеет следствия, связанные, прежде всего, с неумолимым временем. Как бы ни был прозорлив человек XIX века, его видение будущего всегда неточно: в конкретных деталях мир меняется

Кульпин Эдуард Сальманович - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

не так, как люди обычно предполагают. С конца XIX века мир не просто изменился, он многократно расширился. Представления жителя XIX века о мире и о себе интересны сегодня, как правило, лишь узким специалистам. Но если научные представления могут устареть, то никогда не устаревают человек с его мыслями, с его процессом поиска знаний и понимания чувств. Не случайно У. Шекспир остается "современником" многих поколений не одну сотню лет. Не всем нашим замечательным соотечественникам повезло, как Шекспиру, Соловьеву же повезло, как немногим. Два интересных и глубоких исследователя попытались не столько дать традиционный научный анализ, сколько переосмыслить эпоху и личность, практически воссоздать облик ученого и показать связь его идей и прозрений с процессами, событиями, происходящими в наши дни.

Книга Столяровой и Пантина, выход которой совпал со 100-летней годовщиной смерти Соловьева, написана в особом, нетрадиционном жанре - жанре "вольных размышлений", который ближе всего к свободному эссе [Столярова, Пантин, 2000]. В ней содержатся не только анализ и оценка философии Соловьева, но и размышления об актуальных проблемах современности, важных для философских и научных исследований, интуитивные догадки и построения, публицистические фрагменты, а также стихи одного из авторов - Столяровой.

Можно выделить несколько наиболее важных пластов исследования творчества Соловьева. Первый пласт - анализ философии Соловьева и ее значения для современного познания. Как известно, личность и творчество Соловьева до сих пор вызывают многочисленные споры. Высказываются самые разные мнения о его наследии - от полного неприятия до безусловного одобрения. Авторы книги стремились показать огромную интуицию, прозорливость Соловьева, его дар предвидения, благодаря которым некоторые его догадки и прозрения не утратили своего значения и сейчас. Однако для того чтобы это понять, авторы книги в некоторых отношениях "домысливают" (а иначе и быть не может) Соловьева. Домысливают, как и положено ученым, не произвольно, а лишь в той мере, в какой это позволяет делать творческое наследие, иными словами, "реконструируют" Соловьева. Но можно ли из работ Соловьева строго логически вывести многие положения, содержащиеся в книге? На этот вопрос следует только отрицательный ответ: прямых оснований для реконструкций у авторов нет. Однако это не означает, что их анализ следует отнести не к научному, а лишь к художественному творчеству. Авторы вдохновили именно личность и творчество Соловьева, пропущенные через сознание и подсознание. Это послужило основой научной гипотезы, выраженной в форме эссе, которая позволяет сочетать научную строгость и художественное выражение мысли.

Второй пласт размышлений авторов включает некоторые важные методологические проблемы современного познания, связанные с развитием философии и науки. Многие из них действительно весьма актуальны. Так, авторы книги неоднократно пишут о чрезмерно узкой специализации в современной науке, которая часто препятствует решению многих комплексных, "синтетических" проблем, возникающих на стыке различных дисциплин. Положение усугубляется общим разрывом между естественнонаучным и гуманитарным знанием, между "двумя культурами" (выражение, введенное английским писателем и ученым Ч.П. Сноу), представители которых очень часто не понимают друг друга.

В то же время преодоление пропасти между естественными и гуманитарными науками не только необходимо, но и возможно. Об этом говорит опыт концепции "универсального эволюционизма" Н. Моисеева и такой дисциплины, как социоестественная история (СЕИ), в развитие которой оба автора книги внесли свой немалый вклад. Преодоление совершается всегда в конкретном исследовании, исходя из конкретного материала, конкретных фактов и определенной методологии, а не в абстрактном виде. В силу этого общий принцип философии Соловьева - принцип всеединства - также нуждается в своем уточнении, развитии: в противном случае он не сможет стать по-настоящему работоспособным, полезным для исследователей.

Авторы пишут в этой связи: «Очень часто исследователю, пытающемуся проникнуть в тайны таких сверхсложных эволюционирующих систем, как, например, человек, общество, биосфера, Космос, доступны главным образом непосредственные, "сильные" взаимодействия элементов и структур этих систем, которые часто описываются как причинно-следственные связи; "слабые" же, опосредованные взаимодействия, как правило, оказываются скрытыми от взора исследователя, несмотря на то, что они играют огромную, иногда решающую роль в поддержании динамической целостности системы». И далее: "Принцип всеединства как раз и призван восполнить эту принципиальную неполноту непосредственно наблюдаемых взаимодействий, в том числе между пространственно разделенными или разделенными во времени процессами, событиями, явлениями, которые, на первый взгляд, кажутся отдельными, изолированными друг от друга" (с. 78).

Высказанное положение имеет определенное эвристическое значение. Так, процессы бифуркации Запад-Восток, протекавшие в I тысячелетии до н.э. в пространственно-разделенных цивилизациях Китая и Древней Греции, стимулировались одним и тем же фактором - изменением климата, похолоданием. В результате процессы глубоких социальных, экономических, культурных изменений в Китае и Древней Греции протекали параллельно и одновременно, но их последствия были во многих отношениях принципиально различны. Иными словами, связи между пространственно-разделенными процессами действительно существуют, хотя часто носят опосредованный (в данном случае климатическими изменениями) характер. Такие связи можно выявить в ходе конкретных социоестественных исследований, а также других междисциплинарных подходов.

Важным представляется также и различие между механическим и органическим мышлением, которое авторы книги вслед за Соловьевым видят в следующем: "Механическое мышление есть то, которое берет различные понятия в их отвлеченной отдельности, рассматривает, следовательно, предметы под каким-нибудь частным односторонним определением и затем сопоставляет их между собою внешним образом или сравнивает в каком-нибудь столь же одностороннем, но более общем отношении. В противоположность этому мышлению органическое рассматривает предмет в его всесторонней целостности и, следовательно, в его внутренней связи со всеми другими, что позволяет изнутри каждого предмета или отношения выводить все другие... Поэтому органическое мышление может быть названо развивающим или эволюционным, тогда как мышление механическое (рассудочное) есть только составляющее и комбинирующее" (с. 85).

Интересно отметить, что конкретизация принципа всеединства, как его понимают авторы книги, а также представлений об органическом мышлении, во многих отношениях совпадает с подходами, используемыми в исследованиях по СЕИ, а также при изучении и преподавании российской истории. Эти подходы состоят в следующем: 1) акцент делается на *процессы* эволюции общества - духовные, социальные и экономические, не на сам объект, а на его трансформацию; 2) изменение разных сторон жизни в СЕИ рассматривается не иначе, как в их взаимосвязи, взаимовлиянии и взаимодействии; 3) принципиально важен подход к обществу как к организму, а не механизму, как к целому, которое больше суммы частей (в отличие от механизма, где целое равно сумме частей); 4) процессы общественного развития в СЕИ увязаны с взаимодействием общества с окружающей средой - природой, процессы развития этноса - с другими этносами, цивилизации - с другими цивилизациями; 5) обязательное рассмотрение процессов самоорганизации человеческих коллективов, эволюции самосознания больших групп населения - социальных слоев, этносов, всех народов данной страны, взаимоотношений личности и государства; 6) объективное рассмотрение любого исторического периода невозможно без фиксации устойчивых представлений о мире и о себе в сознании людей того времени, мировоззрений прошедших эпох, мифов прошлого и настоящего времени. Все перечисленные элементы порождены конкретными исследованиями в области СЕИ, но вместе с тем, как ни парадоксально,

они согласуются с принципом всеединства и принципами органического мышления Соловьева. Тем не менее, чтобы эти принципы действительно стали полезными для научных исследований, необходима большая работа по их соотносению с методологией конкретных исследований. Подобную работу Соловьев не осуществил, но важно, что он выработал необходимые критерии для ее проведения.

Во многом оправдана и полезна также критика Столяровой и Пантиним абсолютизации причинно-следственных связей, присущей не только механистической ньютоновско-картезианской парадигме, но отчасти и современной науке. Известно, что между частями сложных объектов (а также между частями и целым) существует не простая функциональная зависимость, а гораздо более сложная совокупность связей, в рамках которой причина одновременно выступает как следствие. Иными словами, взаимозависимость частей здесь такова, что она выступает в виде не линейного причинного ряда, а своеобразного замкнутого круга, внутри которого каждый элемент связи является условием другого и обусловлен им. Действительно, в сложных системах, а также при взаимодействии процессов в природе и обществе попытки построить те или иные линейные причинные ряды не только малоэффективны, но часто принципиально искажают наблюдаемую картину. Здесь приходится рассматривать процессы и явления одновременно с разных сторон, например и в социально-историческом, и в естественно-научном плане, как это происходит в СЕИ.

Наконец, оправданным представляется и внимание авторов к прогностической функции науки, а также критика прогнозов, основанных на линейной экстраполяции существующих в данное время тенденций (с. 70-72). Ведь развитие социальных и других сложноорганизованных систем не линейно, в нем есть переломы и бифуркации, в результате которых система может изменить канал своей эволюции. В силу этого любое прогнозирование должно включать не только анализ существующих тенденций, но и оценку возможности различного рода кризисов в развитии общества или цивилизации (прежде всего, социально-экологических кризисов), ведущих к возникновению принципиально новых режимов и механизмов развития за счет появления новых видов техники и технологии, изменений в системе ценностей.

Третий пласт - это многочисленные интуитивные положения и даже предчувствия, содержащиеся в книге. Оправданность этих интуитивных предчувствий связана с тем, что и сам Соловьев мыслил во многом интуитивно, предчувствуя многие события, приближение которых не ощущали большинство его современников. Вот некоторые из таких положений авторов книги, которые сейчас, после событий 11 сентября 2001 года, воспринимаются в новом свете. «К чему приводят попытки покончить с историей путем революционного насилия и террора, мы уже знаем. К чему же приведет стремление "окончить историю" путем провозглашения статус-кво единственно возможным состоянием человечества, тоже в целом понятно - к неготовности ведущих цивилизаций эффективно противостоять начавшимся уже крупным мировым потрясениям, связанным с информационной, геоэкономической и геополитической революциями» (с. 156). "К тому же сейчас очередная фаза или волна этого процесса (глобализации. - Э.К.) сопровождается нашествием массовых технологий и массовой культуры, что грозит вызвать реакцию в виде крайнего национализма, фундаментализма и стремления к изоляции..." (с. 163). "И все это может облегчить главное столкновение между мирами и цивилизациями, угрожающее всему человечеству. Это столкновение не является неизбежным, но оно провоцируется, согласно Соловьеву, расколом европейского и христианского мира - расколом, добавим мы, который уже привел к Первой и Второй мировым войнам и который может привести к еще более масштабным катастрофам" (с. 175, 176).

В этой связи оправданной выглядит и тревога авторов по поводу угроз для будущего российской культуры: "У всякой культуры есть свой духовный стержень, и пока этот стержень реально существует, она не умрет и не канет в Лету. Духовный стержень российской культуры чрезвычайно ослаб... Реакция на напор с Запада и с Востока порождает фундаментализм, который по сути есть не культура, а анти-

культура... Такова цена слома базовых, фундаментальных культурных традиций, к числу которых принадлежит и традиция Соловьева" (с. 74).

Наконец, четвертый и, быть может, самый глубокий пласт - это стихи Столяровой, которые содержат множество образов и идей, иногда перекликающихся с сюжетами книги, а иногда имеющих самостоятельное и очень сильное звучание. В этих стихах в определенной мере запечатлена эпоха 1970-1990-х годов со всеми ее проблемами и противоречиями. Пожалуй, наиболее ярко настроение российской интеллигенции и осмысление ею событий последнего смутного времени передаются в стихотворении, помещенном перед главой "Духовность и социальность: крестный путь человека":

Не зря, не зря в последний миг сомненья
Терзали душу бедного Христа -
Он угадал бессмысленность мученья
И бесполезность своего креста.
Нет, я не жду пришествия второго,
Сюда Спаситель больше не придет.
А явится - распнут опять. И снова
Он ничего, как прежде, не спасет.
Слепцы! В чем оправдание находят?
Какого люди ждут еще конца,
Коль на Голгофу каждый день восходят
Доверчивые детские сердца?!
И Страшный Суд, неузнанный, вершится,
Когда со взрослых исчезают лица
Глаза детей - Души живые лица,
Не вынеся запретов и границ.
Да, болен мир, наверно, безнадежно,
Когда в нем больше нечем дорожить.
И умереть достойно невозможно.
И невозможно в нем достойно жить.

Несколько иные, но также настроения нашей эпохи сконцентрированы в стихотворении "Памяти Булата Окуджавы":

Еще один ушел. Разжались руки. Как
ни крути, в цепочке нашей брешь. И
стали памятью живые звуки. Век
дотянулся, век успел - так свеж. Еще
болит след от его удара. Уже почти
невидима струна. Уносит Вечность
вещую гитару. Как и того, кому она
верна. Душа к высоким звездам
отлетела. Среди подруг сияет в синеве.
Троллейбус синий - пес осиротелый -
Беспомощно кружится по Москве.

В заключение еще раз подчеркну сложность и необычность жанра книги "Воспламенная душа. Вольные размышления о Владимире Соловьеве". Ее идеи и образы часто дискуссионны, изложены отнюдь не в академическом стиле, они стимулируют мысль, заставляют думать, иногда спорить. Эта книга, рафинированно интеллектуальная, со смысловой многоярусностью пластов. Она обращена и к специалистам, и к просвещенным дилетантам, ко всем, кто интересуется проблемами философии, истории, историософии, методологии междисциплинарных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Столярова Т.Ф., Пантин В.И. Воспламенная душа. Вольные размышления о Владимире Соловьеве. М., 2000.

© Э. Кульпин. 2002